

НИКОЛАЙ ЛУЗАН

ВОЕННАЯ КОНТРАЗВЕДКА

ЗАВТРА
СЕГОДНЯ
ВЧЕРА

Николай Николаевич Лузан

Военная контрразведка.

Вчера. Сегодня. Завтра

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47257532

Военная контрразведка. Вчера. Сегодня. Завтра: АО «Издательский дом «Аргументы недели»; Москва; 2019

ISBN 978-5-6042365-8-1

Аннотация

Новая книга известного автора Николая Лузана занимает особое место в ряду произведений, посвященных деятельности отечественных спецслужб. Ее с полным правом можно назвать художественной летописью славной военной контрразведки за последние 75 лет. В центре повествования находятся наиболее значимые контрразведывательные и разведывательные операции сотрудников Смерша – особых отделов КГБ СССР и Департамента военной контрразведки ФСБ России. Главными героями являются руководители и сотрудники, составляющие гордость отечественных спецслужб, – генерал-полковник Александр Безверхний, генерал-лейтенант Иван Устинов, генерал-лейтенант Александр Матвеев и другие.

Содержание

В нерушимом строю	5
Часть 1	24
Бой после Победы	24
Лицом к лицу	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Николай Лузан

Военная контрразведка

Вчера. Сегодня. Завтра

Книга издана в авторской редакции.

© Лузан Н., 2019

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2019

* * *

*Автор выражает глубокую признательность
здравствующим и ушедшим из жизни героям этой
книги, вдохновившим на ее написание*

В нерушимом строю

*19 апреля 2003 года. Москва.
Лубянская площадь. Дом № 2*

На седьмом этаже дома № 2 на Лубянской площади в этот день было непривычно многолюдно. Генералы и офицеры, облаченные в парадные мундиры, собрались в коридоре и приемной руководителя Управления военной контрразведки ФСБ России генерал-лейтенанта Александра Безверхнего. Стрелки неторопливо ползли по циферблату часов и приближались к 12:00, когда с лестничной площадки донеслись звуки лифта. Разговоры затихли, и в воздухе прошелестело: «Едут... Едут».

Дежурный по управлению встрепенулся, поднял трубку и доложил:

– Александр Георгиевич, ветераны уже здесь!

Прошло мгновение. Дверь кабинета распахнулась. В приемную стремительной походкой вышел генерал Безверхний, на выходе задержал шаг, строгим взглядом прошелся по подчиненным, остался доволен их внешним видом и направился к лестничной площадке. Навстречу из лифта вышли убеленные благородными сединами и сохранившие военную вы-

правку ветераны-фронтовики: генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов, генерал-лейтенант Александр Иванович Матвеев и генерал-майор Леонид Георгиевич Иванов. Они при жизни стали легендами военной контрразведки. Их сопровождал полковник Александр Ракитин.

– Товарищи офицеры! – прозвучала короткая команда.

Генералы и полковники застыли в торжественном строю и обратили взгляды на ветеранов. Безверхний тепло приветствовал их и проводил к себе в кабинет. Переступив порог, Устинов сделал несколько шагов и остановился. Его глаза повлажнели, а уголки губ дрогнули. Он пробежался взглядом по обстановке кабинета. Она почти не изменилась с тех пор, когда он в сентябре 1970-го возглавил 3-е Управление (военная контрразведка) КГБ при Совете министров СССР. В течение трех с лишним лет на плечах генерала Устинова лежала огромная ответственность за сотни контрразведывательных и разведывательных операций, проводившихся его подчиненными и направленными на защиту Вооруженных сил Советского Союза от разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб.

Реакция Устинова не осталась незамеченной Безверхним. Он бережно взял его, Матвеева, Иванова под руки и подвел к праздничному столу. На нем не было изысканных разносолов и элитных напитков. Черный хлеб, армейская тушенка «привет второму фронту», алюминиевые кружки и фляжки с неизменными «ста граммами наркомовских» возвращали

ветеранов в их далекое фронтовое прошлое. Прошлое, опаленное огнем и порохом Великой Отечественной войны, живущее в их сердцах болью невосполнимых потерь боевых товарищей и согретое радостью Великой Победы над фашизмом.

После небольшой суеты ветераны и действующие контрразведчики заняли места за столом, наполнили кружки водой и обратили взгляды на Безверхнего. В его глазах снова вспыхнул задорный огонек. Выдержав паузу, он обернулся и кивнул Ракитину. Тот поиграл пальцами на клавиатуре магнитофона, и через мгновение тишину кабинета нарушил бой московских курантов, а затем зазвучал незабываемый голос Юрия Левитана.

Чеканные, исполненные огромной внутренней силы слова легендарного диктора о победе советского народа в Великой Отечественной войне не могли оставить равнодушными ни ветеранов, ни новое поколение военных контрразведчиков. На их лицах застыло одно и то же благоговейное выражение. Они, затаив дыхание, внимали каждому слову той великой, исторической речи.

Запись закончилась. В кабинете снова воцарилась особенная, торжественная тишина. Спустя десятилетия голос Левитана и грандиозность самого события по-прежнему производили на присутствующих огромное впечатление. Затянувшуюся паузу нарушил Безверхний. Он поднялся из-за стола; встали все, и произнес тост.

– За Великую Победу, товарищи!

– За Победу! – дружно прозвучало в кабинете.

Звякнули кружки. Ветераны выпили до дна. У них на глазах навернулись слезы. Нет, не от крепкого градуса. Голос Левитана вернул их в суровое прошлое. Им они гордились по праву. На своих плечах они вынесли всю тяжесть жестокой войны, выстояли и победили самого сильного врага. Врага, перед которым покорно склонилась вся Европа.

Бесконечно долгих 1418 дней и ночей они шли фронтовыми дорогами к великой цели, чтобы в ликующем и цветущем мае 1945 года вбить осиновый кол в гроб фашизма. И когда отгремел победный салют над поверженным Берлином, победители возвратились домой. На родине их ждали могилы близких и чудовищная разруха. Но они снова нашли в себе силы, чтобы самоотверженным трудом поднять страну и сделать ее великой экономической и военной державой мира.

В тот день, 19 апреля 2002 года, воспоминания нахлынули на ветеранов. В лице Безверхнего и его подчиненных они нашли благодарных слушателей. Устинов вспомнил свой первый бой. Он произошел 22 июня 1941 года у железнодорожной станции Осиповичи. Ему – лейтенанту-контрразведчику – пришлось принять на себя командование разрозненными группами красноармейцев и затем с боями пробиваться из окружения.

В те роковые для нашего Отечества часы за сотни километров от Осиповичей, на советско-румынской границе,

старший лейтенант-контрразведчик Иванов вместе с пограничниками в течение суток отбил пять атак врага и не отступил с рубежа.

23 июня 1941 года жестокой бомбардировке подвергся флагман советской промышленности – город Запорожье. Секретарь Запорожского горкома комсомола Матвеев, ни минуты не раздумывая, отказался от брони и добровольцем ушел на фронт.

Вспоминая те трагические дни, ветераны сходились в том, что только духовное и идейное единство, высочайший патриотизм всех слоев советского общества не позволили фашистской Германии осуществить военный блицкриг в отношении Советского Союза. Они, все как один, встали на защиту Отечества. Устинов, Матвеев и Иванов приводили десятки примеров героического поведения и самопожертвования своих боевых товарищей. В какой-то момент взгляд Устинова задержался на дате календаря – 19 апреля. Легкая тень легла на его лицо, а в голосе появилась горечь.

– Сегодня исполняется 60 лет, как была создана военная контрразведка Смерш. Но ни в прессе, ни по телевидению никто не сказал даже слова! Как же так, Александр Георгиевич? Как же так, товарищи?

– Обидно и несправедливо! – поддержал его Матвеев и подчеркнул: – Если бы не Смерш, то неизвестно, как бы сложилась судьба Курской битвы, и не только ее.

– А все из-за козней партийных бонз! Все Хрущев! Для

него Смерш был что кость в горле! Мерзавец! – не мог сдерживать гнев Иванов.

– Это по его вине и вине Тимошенко в мае 42-го под Харьковом рухнул фронт и откатился к Сталинграду! Мы тогда такой кровью умылись. Такую цену заплатили... – у Матвеева не нашлось больше слов.

– А могло все сложиться по-другому, если бы вняли доводам Селивановского. А он предупреждал о провале харьковского наступления, – вспомнил Устинов об одном из самых трагических периодов Великой Отечественной войны.

– Слава Богу, этого не повторилось под Сталинградом. На этот раз Сталин прислушался к голосу контрразведчиков – докладу Николая Николаевича Селивановского. Беспрецедентный случай в истории отечественных спецслужб, – подчеркнул Матвеев.

25 июля 1942 года на южном фланге советско-германского фронта сложилось катастрофическое положение. Возникла угроза прорыва гитлеровцев к Сталинграду. По мнению начальника особого отдела Сталинградского фронта Николая Селивановского, причина состояла в профессиональной некомпетентности командующего генерала Гордова – протеже Тимошенко и Хрущева. Судьбу сотен тысяч солдат и офицеров Красной армии, самого Сталинграда определяли уже не дни, а часы. Селивановский решился на отчаянный шаг. Через головы начальника Управления особых отделов НКВД СССР Виктора Абакумова и грозного наркома внутренних

дел Лаврентия Берии он направил шифровку на имя Сталина, в которой изложил свою оценку положения дел на фронте. Решение последовало незамедлительно: Гордова сняли с должности, а командование Сталинградским фронтом перешло к генерал-полковнику Еременко.

Спустя 11 лет Хрущев, став высшим руководителем в советском государстве, не простил Селивановскому того, что ему пришлось испытать в июле 1942 года перед разгневанным Сталиным. Николая Николаевича вычеркнули не только из истории отечественной военной контрразведки, но и из активной жизни. Его имя находилось под жесточайшим запретом.

– Если бы вычеркнули одного Селивановского! Так нет же, вместе с ним вычеркнули всех нас – контрразведчиков Смерш! После войны вышло два издания «Истории Великой Отечественной войны», и ни в одном нет даже слова про Смерш! Будто нас и не было! – негодовал Устинов.

Безверхний, чтобы смягчить боль ветеранов, предложил тост.

– За военных контрразведчиков и их боевых товарищей – генералов, офицеров и солдат Красной армии! За всех тех, кто в годину испытаний выстоял и победил!

– За них! За победителей! – присоединились к Безверхнему остальные.

«Прицеп» к «ста граммам наркомовских» для некоторых современных контрразведчиков оказался тяжеловат, и они

закашляли. Безверхний, подождав, когда наступит тишина, снова обратился к ветеранам.

– Уважаемые Иван Лаврентьевич, Александр Иванович, Леонид Георгиевич! Вы гордость и слава нашей военной контрразведки! Ваше самоотверженное служение Отечеству и сама ваша жизнь являются ярким примером для нового поколения военных контрразведчиков! Ваш подвиг...

– Извините, Александр Георгиевич, – перебил его Устинов. – Мы, как и все, выполняли свой долг.

– Да, да! Мы жили только одним: выстоять и победить! Так нас воспитали! – поддержал его Матвеев.

– И все-таки, уважаемые наши ветераны, позвольте, я продолжу, – попросил разрешения Безверхний и заявил: – То, что совершили вы, наши отцы и матери, – это величайший подвиг! Красная, Советская армия сломала хребет фашизму...

– Именно она, а не американцы! Сегодня они пытаются украсть нашу победу! К сожалению, нашлись мерзавцы и у нас! Эти «гозманы» и «суворовы» переписывают историю и хотят извлекать нашу Великую Победу в грязи! А мы молчим! Ну сколько это можно терпеть?! – негодовал Иванов.

Гнев плескался в глазах Устинова и Матвеева. Безверхний обратил взгляд на Ракитина. Тот понял все без слов, стремительно шагнул к шкафу, достал три большие, обтянутые кожей папки с золотым тиснением и положил на стол. Безверхний бережно, словно к ребенку, прикоснулся к ним и

объявил:

– Уважаемый Леонид Георгиевич! Уважаемый Александр Иванович! Уважаемый Иван Лаврентьевич! Дорогие наши ветераны! Сегодня от имени военных контрразведчиков я имею честь доложить: вот наш ответ всем недоброжелателям и хулителям вашей и всего советского народа Великой Победы над фашизмом!

Взгляды присутствующих обратились к папкам. Безверхний выдержал паузу, открыл одну из них и достал альбом-книгу. На обложке бросались в глаза емкое и хлесткое, как сам выстрел, слово «Смерш» и алая, будто кровь ее павших сотрудников, пятиконечная звезда.

– Смерш! Смерш! – прозвучало в кабинете.

Безверхний открыл первые страницы и пояснил:

– В этой книге, книге истории Смерша нашел отражение огромный труд коллектива энтузиастов! Они больше года работали в архивах ФСБ! То, что открылось перед нами, не может оставить равнодушным даже каменное сердце! Мы не могли даже представить... – голос Безверхнего дрогнул. – Это трудно выразить словами! Перед нами открылась захватывающая книга человеческих судеб и подвигов! Книга, которую писали вы, наши уважаемые ветераны, и ваши боевые товарищи. Мы возвращаем вам и нынешнему поколению контрразведчиков подлинную историю героического Смерша! Смерш был фантастической спецслужбой! Он, по сути, стал иммунной системой Красной армии! Он...

Ветераны ловили каждое слово Безверхнего. Их лица светлели, а на глаза наворачивались слезы.

– Сегодня Смерш по праву возвращается на заслуженный пьедестал в истории отечественных спецслужб! Я не сомневаюсь, что завтра он заживет своей жизнью в художественных произведениях и в кинофильмах, – Безверхний закончил свое эмоциональное выступление.

В кабинете установилась особенная, торжественная тишина. Телеоператор и фотограф воспользовались паузой и спешили запечатлеть это действительно историческое событие в жизни отечественной военной контрразведки и ее сотрудников.

Безверхний взял книгу-альбом «Смерш» и прошел к Устинову. Тот поднялся и, принимая подарок, склонил голову, а когда поднял, то на его суровом лице появилась счастливая улыбка. Он затуманенным взором прошелся по Безверхнему, генералам, офицерам – новому поколению военных контрразведчиков – и заговорил. Голос ветерана, не раз смотревшего смерти в глаза, срывался от волнения.

– Уважаемый... дорогой Александр Георгиевич... Примите от нас, ветеранов, самую глубокую благодарность за этот великий памятник Смершу. Памятник руководителям и рядовым сотрудникам, кто погиб на войне и кто не дожил до наших дней. Мы ждали этого события долгих 60 лет. Смерш – это прежде всего люди. Они самоотверженно защищали Отечество и по праву заслужили, чтобы о них знали и пом-

нили.

– Александр Георгиевич, у меня нет слов, – голос Матвеева наливался силой. – В мире не найдется весов, на которых можно было бы измерить заслуги Смерша! Я счастлив, что эта книга-эпопея наконец вышла в свет!

– Она станет достойным ответом всем клеветникам! – присоединился к боевым товарищам Иванов.

Рука Леонида Георгиевича опустилась на страницу 75. Шестьдесят лет назад на передовой неизвестный военный фотограф запечатлел молодцеватого капитана Леонида Иванова вместе с боевыми товарищами из 51-й ударной армии.

– Как будто все было только вчера. Как будто вчера, – повторял Леонид Георгиевич и бережно прикасался к страницам.

Он, Устинов и Матвеев всматривались в фотографии, вчитывались в документы, находили знакомые лица и фамилии. Цепкая профессиональная память снова возвращала их в прошлое, в весну 1943 года.

В тот год в центральные регионы европейской части СССР весна пришла рано. В середине марта с юга повеяли теплые ветры и согнали с неба свинцово-сизые тучи. Яркое весеннее солнце в считанные дни растопило снега. Зима спряталась на дне оврагов, балок и напоминала о себе легкими заморозками по утрам. Макушки холмов покрыла изумрудная зелень молодой травы. Обочины дорог полыхали жаром одуванчиков. Берега рек, речушек и озер окутала золоти-

сто-нежная вуаль распутившейся вербы. Весна решительно наступала на Среднерусскую равнину. В конце марта, напоминая раскаты артиллерии, вскрылись верховья рек.

Сами пушки в основном молчали и лишь изредка тревожили зыбкую тишину на южном фланге и в центральной части советско-германского фронта. Противники, Красная армия и вермахт, пока еще жалищими ударами прощупывали оборону друг друга. Пауза в боях продолжалась третий месяц и напоминала затишье перед бурей. Боевой опыт подсказывал Устинову, Матвееву и Иванову, что скоро тишине придет конец и советские войска перейдут в решительное наступление. Однако их сердца не покидала тревога. Противник был невероятно силен, не смирился и надеялся отыграть за прошлые поражения.

Весной 1943 года военная машина фашистской Германии пока работала без сбоев. Гитлер и его окружение, одержимые реваншем, бросили на чашу войны все собственные, а также материальные и людские ресурсы покоренных стран Европы. В обстановке глубочайшей тайны на секретных заводах создавалось германское «чудо-оружие» – танки «Тигр» и «Пантера». Этот «бронированный зверинец», как полагали в Берлине, должен был порвать в клочья оборону советских войск и поставить Москву на колени. Узким кругом генералов вермахта разрабатывался план стратегической наступательной операции «Цитадель». По замыслу ее разработчиков, она должна была вернуть вермахту утраченную иници-

ативу на Восточном фронте.

В мае 1943 года советское руководство уже располагало общей информацией об этих планах гитлеровцев. Первые данные поступили из Лондона от знаменитой «кембриджской пятерки» разведчиков. Позже их подтвердила резидентура, действовавшая в Швейцарии. Об активной концентрации гитлеровских войск на участках Брянского, Центрального и Воронежского фронтов сообщали военные контрразведчики, а также разведывательно-диверсионные резидентуры 4-го управления, выполнявшие специальные задания в тылу противника.

Перед лицом смертельной угрозы гитлеровской армады руководители Советского Союза вынуждены были принять энергичные меры, затронувшие не только армию, но и отечественные спецслужбы. Накануне решающего сражения Великой Отечественной войны – Курской битвы – Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин сделал выводы из трагических уроков мая 1942 года, когда харьковская наступательная операция обернулась чудовищной катастрофой, и принял решение о создании качественно новой спецслужбы. По его замыслу, ей предстояло надежно защитить планы советского командования от вражеской агентуры, обеспечить своевременной и объективной информацией Ставку Верховного Главнокомандования и одновременно проникнуть под завесу тайны, окутывавшую военные замыслы гитлеровской верхушки.

И такая структура была создана. В истории отечественных спецслужб она известна как Смерш – «Смерть шпионам».

19 апреля 1943 года за № 415-138сс Сталин утвердил Постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) об образовании Смерша. В нем указывалось:

«Управление Особых Отделов НКВД СССР изъять из ведения НКВД СССР и передать Народному Комиссариату Обороны СССР, реорганизовав его в Главное Управление Контрразведки НКО «Смерть шпионам».

Руководителем новой спецслужбы в ранге заместителя наркома обороны СССР был назначен 35-летний комиссар государственной безопасности 3-го ранга Виктор Абакумов.

До начала Курской битвы оставалось чуть больше двух месяцев. У Виктора Абакумова и его подчиненных не оставалось времени на раскачку. В условиях жесточайшего противоборства с врагом и лимита времени сотрудникам новой спецслужбы пришлось решать важнейшие задачи, связанные с защитой советских войск от гитлеровской разведки, предотвращением измены Родине и антисоветских проявлений, а также обеспечением сохранности в тайне плана советского контрнаступления под Курском и Орлом.

Новая спецслужба блестяще справилась с этими задачами. Агентам противника не удалось проникнуть даже в штаб дивизии, не говоря уже о вышестоящих звеньях Красной армии. В Берлине терялись в догадках о том, когда, на каком направлении и чем ответят русские, но так и не смогли раз-

гадать замысел контрударов советского командования, получивших кодовые названия «Кутузов» и «Полководец Румянцеv». Смерш смог в кратчайшие сроки создать надежную и эффективную систему защиты секретов на пути гитлеровских агентов.

Военные контрразведчики не только успешно оберегали Красную армию от проникновения в ее ряды шпионов, диверсантов и террористов, они также вели результативную разведывательную работу. Через зафронтовых агентов им удалось проникнуть под завесу тайны, окутывавшую операцию «Цитадель». В результате в Ставке Верховного Главного командования заблаговременно узнали о замыслах противника, что во многом предопределило успех Красной армии в одной из решающих битв Великой Отечественной войны. Под ударами советских войск фашистская «Цитадель» не устояла и пала. На огненной Курской дуге окончательно сгорели планы гитлеровского командования вернуть себе стратегическую инициативу на Восточном фронте. В этом была немалая заслуга Смерша.

В последующей своей оперативно-боевой деятельности Смерш доказал, что являлся самой эффективной спецслужбой мира. За три года военными контрразведчиками было выявлено и разоблачено: более 30 000 шпионов, свыше 6000 террористов и около 3500 диверсантов; привлечено к уголовной ответственности более 80 000 военных преступников; проведена фильтрация 5 016 935 военнопленных и 5 290 183

советских граждан, оказавшихся в плену и угнанных на работу в Германию.

Смерш стал первой спецслужбой, развернувшей масштабную войну в эфире. В ходе осуществления 183 радиоигр на советскую территорию удалось вывести свыше 400 кадровых сотрудников и агентов гитлеровских спецслужб, захватить десятки тонн взрывчатки, боеприпасов и тысячи единиц оружия.

В час испытаний для Отечества время выдвинуло на передний край борьбы с жестоким и опытным врагом именно эту силу – Смерш. Она надежно защитила армию и флот от вражеских агентов, террористов и диверсантов. И не росчерк пера Сталина, а они – бывшие летчики, пограничники, артиллеристы, пехотинцы и моряки, военные и гражданские, мобилизованные войной в органы госбезопасности, – своим самоотверженным служением Отечеству создали легендарную контрразведку Смерш.

Спустя 60 лет усилиями руководителей ФСБ России, военной контрразведки ФСБ России и ветеранов Смерш был возвращен на заслуженный пьедестал в истории отечественных спецслужб. Об этом генералу Безверхнему и его подчиненным с благодарностью говорили Устинов, Матвеев и Иванов. Но в их голосах прорывалась тревога. Нет, не за себя, а за страну и дорогую их сердцу военную контрразведку.

Цифры и факты, приведенные генералом Безверхним, рассеяли опасения ветеранов. Только за последние несколь-

ко лет военные контрразведчики разоблачили десятки агентов иностранных спецслужб. Среди них оказались матерые американские и британские шпионы.

Новое поколение российских военных контрразведчиков показало себя не только профессионалами высочайшего уровня, способными обеспечить сохранность важнейших секретов, а людьми долга и чести. Как и в годы Великой Отечественной войны, они плечом к плечу с армейскими товарищами сражались с общим врагом – террористами и бандитами. В трудную минуту, когда гибли командиры подразделений, контрразведчики брали на себя командование, организовывали оборону и контратаки, вступали в рукопашные схватки.

11 января 2000 года старший оперуполномоченный капитан Игорь Яцков, выполняя специальное задание, в составе разведдозора 136-й отдельной мотострелковой бригады в районе населенного пункта Кири Чеченской Республики попал в засаду боевиков. После гибели командира он, организовав оборону, приказал части личного состава отойти, а сам с оставшимися бойцами прикрывал их отход. В ходе боя Яцков получил тяжелые ранения, но не оставил позицию, отстреливался до последнего патрона и погиб.

Указом Президента Российской Федерации от 19 февраля 2000 года за мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного и воинского долга, капитану **Яцкову Игорю Владимировичу** было посмертно присвоено звание Ге-

роя Российской Федерации.

Этой высокой чести удостоились еще четверо военных контрразведчиков: адмирал **Угрюмов Герман Алексеевич**, генерал-лейтенант **Хоперсков Григорий Константинович**, генерал-лейтенант **Дуканов Олег Михайлович** и капитан **Громов Сергей Сергеевич** (посмертно).

Наряду с участием в боях военные контрразведчики занимались операциями, связанными с освобождением из плена российских и иностранных граждан. За один только 2000 год им, членам Комиссии при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, а также сотрудникам территориальных органов безопасности удалось вырвать из лап бандитов и террористов 78 военнослужащих и 22 гражданских лица.

Важное место в деятельности военных контрразведчиков занимала полная смертельного риска разведывательная работа в среде незаконных военных формирований. Временной оперативной группой (ВОГ) Управления военной контрразведки ФСБ России в Северо-Кавказском регионе только за 1999–2000 годы было выявлено 57 баз боевиков, 6 укрепрайонов, 65 блиндажей, около 60 укрытий и 230 схронов и тайников с оружием. В ходе последующих войсковых операций значительная их часть была уничтожена. Через надежные оперативные источники в незаконных военных формированиях были выявлены и затем перекрыты каналы финансирования и переправки наемников через государственную

границу.

19 апреля 2003 года для ветеранов и действующих сотрудников военной контрразведки ФСБ России ознаменовалось не только знаковым событием, связанным с восстановлением исторической справедливости и возвращением из небытия славной контрразведки Смерш. В тот день само время оказалось не властно перед нерушимым строем военных контрразведчиков. В тот день в их лице прошлое соединилось с настоящим, а будущее не пугало грядущими вызовами.

Часть 1

Бой после Победы

16 апреля 1945 года. 5:00.

Время московское. 20 км до Берлина

Шел 1393-й день Великой Отечественной войны. Командир 47-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Василий Щугаев и начальник отдела военной контрразведки Смерш майор Александр Матвеев бросали нетерпеливые взгляды на часы. Стрелки, как им казалось, медленно ползли по циферблату и отсчитывали последние минуты в заключительной стратегической операции советского командования – штурме столицы фашистской Германии – Берлина.

Матвеев прильнул к окуляру стереотрубы. В блеклом свете луны и отблесках осветительных ракет передняя линия обороны гитлеровцев напоминала огромное чудовище. Она бугрилась чешуей бетонных дзотов и дотов, таращилась темными глазницами-амбразурами, щетинилась густой сетью

проволочных заграждений. За ней, всего в двадцати с лишним километрах, находилась заветная для миллионов советских солдат, офицеров и генералов цель — Берлин. Александр Иванович шел к ней долгие четыре года по полным невзгод и невосполнимых потерь фронтовым дорогам.

22 июня 1941 года вероломная война, начатая фашистской Германией, беспощадно ворвалась в мирную жизнь секретаря Запорожского горкома комсомола Александра Матвеева. Не заводские гудки, а надрывный вой сирен воздушной тревоги и разрывы авиабомб подняли на ноги запорожцев. Страшная беда пришла в их дома и в дома миллионов советских людей.

23 июня Матвеев, отказавшись от брони, прибыл на сборный пункт военкомата и в числе первых добровольцем отправился на фронт. Волевой, смывленный и имеющий опыт работы с людьми, он сразу привлек к себе внимание военных контрразведчиков. После прохождения краткосрочных курсов специальной подготовки его зачислили на службу старшим оперуполномоченным особого отдела НКВД в 983-й стрелковый полк. Матвееву на ходу пришлось осваивать сложнейшее искусство контрразведки. Уже в августе он разоблачил своего первого вражеского агента. Им оказался бывший советский военнослужащий, попавший в плен, завербованный абвером (гитлеровская военная разведка и контрразведка) и с диверсионным заданием проникший в состав экипажа бронепоезда. Спустя месяц во время ожесточенного

боя Александр Иванович заменил погибшего командира батальона, руководил организацией обороны, а когда фашисты ворвались в окопы, вступил с ними в рукопашную схватку.

Весь 1941-й и следующий, 1942 год Матвеев провел на передовой и не выходил из боя. Вместе с боевыми товарищами он вынес на своих плечах всю тяжесть обороны Сталинграда. Его жизнь не один раз подвергалась смертельной опасности. После контузии он категорически отказался отправиться в тыл, остался в строю, продолжал беспощадно бороться со шпионами, диверсантами и не позволил измене проникнуть в ряды красноармейцев.

Личное мужество, результаты оперативно-боевой деятельности, профессионализм и организаторские способности Матвеева не остались незамеченными начальником особого отдела Сталинградского фронта старшим майором госбезопасности Николаем Селивановским. В августе 1942 года его приказом Александр Иванович был назначен на должность заместителя начальника особого отдела НКВД СССР 99-й стрелковой дивизии.

В боях под Сталинградом Матвеев сформировался как руководитель. После разгрома фашистов вместе с подчиненными прошел фронтовыми дорогами по землям Украины, Белоруссии и Польши. В июле 1944 года он был назначен на должность начальника отдела контрразведки Смерш 47-й гвардейской стрелковой дивизии. К тому времени на его счету находились десятки разоблаченных вражеских шпио-

нов, диверсантов и террористов. Несмотря на высокую должность, Александр Иванович не отсиживался в кабинете. В сложных ситуациях он брал на себя ответственность и вступал в схватку с противником.

Однажды сотрудниками Матвеева была задержана группа матерых диверсантов. Под конвоем их доставили на допрос в особый отдел. Воспользовавшись нерасторопностью конвоиров, диверсанты разоружили их. Матвеев не растерялся, в борьбе с одним из них завладел автоматом и вступил в бой. Одному из диверсантов – Грачу – удалось скрыться. Впоследствии он сыграл зловещую роль в судьбе Александра Ивановича. После окончания войны судьба так распорядилась, что Матвееву снова пришлось вступить в схватку не только с Грачом, а и с французской спецслужбой, стоящей за спиной предателя. В той полной смертельного риска операции Смерша Александр Иванович вышел победителем.

Она была еще впереди, а тогда, 16 апреля 1945 года, Матвеева и его боевых товарищей отделял всего один марш-бросок от логова фашизма – Берлина. В эти последние мгновения перед решающей схваткой Александр Иванович испытывал сложные чувства. Пьянящее чувство грядущей победы кружило голову, а леденящий холодок окатывал спину. Предстоящий бой мог стать для Матвеева последним. Он гнал прочь мысль о смерти, поглядывал на часы и торопил время.

Секундная стрелка стремительно бежала по циферблату.

На часах было 5:00. В чернильное небо взметнулись две сигнальные ракеты. Через мгновение Матвееву и Щугаеву показалось, что небеса рухнули на землю. Рев тысяч орудий 1-го Белорусского фронта взорвал тишину, и огненный вал обрушился на позиции противника. Узкая полоска земли, зажатая между рекой и холмами, как клокочущая лава в вулкане, вздыбилась и зловещими тюльпанами выплеснулась в равнодушное к безумству человека небо. В воздухе смешались бетон, металл и человеческая плоть. Надрывный вой бомбардировщиков, разрывы бомб и снарядов слились в ужасающую какофонию. В 5:29 она, как по мановению дирижерской палочки, прекратилась. Наступившая вязкая тишина плющила и прижимала к земле.

Оглохшие, ошеломленные этой невиданной за годы войны мощью, Матвеев и Щугаев распахнутыми ртами хватили упругий, как резина, воздух и пытались сохранить равновесие на все еще ходившей ходуном земле. И когда пелена пыли и дыма рассеялась, то перед их глазами открылись апокалипсические картины. В зареве бушующих пожаров позиции гитлеровцев напоминали каменоломни, по которым прошла гигантская лапа, выпотрошившая наизнанку доты, дзоты, танки, самоходки и машины. Прошло мгновение, и они исчезли в ослепительно яркой вспышке. На часах было 5:30. Сотни зенитных прожекторов, направленных на оборонительные порядки 56-го танкового корпуса вермахта, сделали слепыми тех, кто уцелел после артиллерийского и авиа-

ционного цунами. Настал черед для частей 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта перейти в наступление.

Щугаев снял трубку полевого телефона и объявил:

– Я Первый! Слушать всем! – и после паузы приказал: – Вперед, ребята! Дайте прикурить фрицу, да так, чтоб у него загорелось в заднице!

Опустив трубку на телефонный аппарат, он обратился к Матвееву:

– Ну что, Александр Иванович, пришел и наш час! Твои орлы готовы?

– Да, находятся на исходной позиции, – подтвердил Матвеев.

– Может, дать тебе еще взвод?

– Спасибо, Василий Минаевич, не надо. Достаточно тех сил, что есть.

– Ну как скажешь. Удачи, Саша! – пожелал Щугаев и покинул наблюдательный пункт дивизии.

Вслед за ним вышел Матвеев и поспешил в распоряжение сводной десантно-штурмовой группы. Она состояла из военных контрразведчиков, танкистов и пехотинцев. Ей предстояло выполнить особую задачу, поставленную начальником отдела Смерш 8-й гвардейской армии генерал-майором Витковым, а именно прорваться в тыл противника и захватить архив гитлеровских спецслужб. По данным советской разведки, в нем хранились совершенно секретные сведения о шпионской сети агентов, оставленных Главным управ-

лением имперской безопасности Германии на освобожденных советскими войсками территориях Белоруссии, Украины, Польши и Чехословакии. Архив, как сообщали зафронтовые агенты Смерша, гитлеровцы вывезли из Берлина и хранили в пригороде – Целендорфе, в одном из корпусов сельскохозяйственного института.

Выполняя приказ генерала Виткова, Группе Матвеева предстояло на плечах 47-й дивизии прорвать оборону противника, преодолеть не менее 12 километров по территории, насыщенной гитлеровскими войсками, прежде чем достичь цели – Целендорфа. На подготовку к операции было отведено чуть больше суток. Матвееву пришлось на ходу формировать оперативно-боевую группу. Ее ядро составили наиболее опытные и, что немаловажно на войне, удачливые подчиненные: старшие оперуполномоченные Голубцев, Коратуев, Маринин, Шишин и переводчик Васильев, прикомандированный из разведотдела 47-й дивизии. Для усиления Группы командующий 8-й армией генерал Чуйков выделил мотострелковый батальон капитана Орлова и танковую роту старшего лейтенанта Петрова.

Покинув наблюдательный пункт дивизии и избегая открытых мест, Матвеев пробрался в расположение Группы и вызвал к себе командиров рот и батальона. Опытные, прошедшие огонь, воду и медные трубы, они не задавали лишних вопросов, развернули карты и ждали указаний. Матвеев посчитал, что настал час довести до армейских товарищей

конечную цель операции, и объявил:

– Товарищи, перед нами стоит следующая задача: на плечах дивизии войти в прорыв и, не ввязываясь в бой, пробиться к пригороду Берлина – Целендорфу. Там мы должны захватить важный объект и удержать до подхода наших основных сил. Задача ясна?

– Так точно! – подтвердили командиры.

– В таком случае сверим по карте маршрут нашего движения, – предложил Матвеев.

Офицеры, подсвечивая фонариками карту, внимательно следили за его карандашом. Он, описав замысловатую петлю, остановился на юго-восточной окраине Целендорфа.

– Расстояние до цели около 12 километров, – сообщил Матвеев и уточнил: – Какие есть вопросы?

– Разрешите, товарищ майор? – обратился Петров.

– Слушаю тебя, Иван.

– Товарищ майор, а почему бы не пройти вот здесь? Так будет короче, – рука Петрова опустилась на карту.

– По данным нашей разведки, на первом маршруте наименьшая концентрация немецких войск, – пояснил Матвеев.

– Можно еще вопрос, товарищ майор? – спросил Орлов.

– Да, Владимир Николаевич.

– Если не секрет, что находится на объекте?

– Уже не секрет: часть архива Главного управления имперской безопасности Германии.

– Ничего себе! – воскликнул Петров и уточнил: – А что

в том архиве?

– Все продажные шкуры прописаны! – сообщил Матвеев и, завершая постановку задачи, распорядился: – Владимир Николаевич, если со мной что случится, командование Группой переходит к капитану Коратуеву.

– Все будет нормально, товарищ майор! Прорвемся, где наша не пропадала! – заверил Орлов.

Его дружно поддержали остальные офицеры.

– Будем живы, не помрем! – с улыбкой произнес Матвеев и перешел к инструктажу. – Товарищи, объявляю порядок движения! Во главе колонны следует рота танкистов старшего лейтенанта Петрова. За ней поротно двигается батальон капитана Орлова. Я нахожусь в центре колонны. Капитан Коратуев возглавляет, а капитан Шишин замыкает ее. Вопросы по порядку движения есть?

– Никак нет, – последовал дружный ответ.

– Раз нет, то по местам! Командирам проверить связь по колонне и ждать моей команды! – приказал Матвеев и вместе с Голубцевым, Марининым и Васильевым отправился в расположение второй роты батальона.

Командиры заняли свои места в подразделениях. Группа Матвеева изготовилась к броску. Все взгляды обратились на запад. Багровые всполохи рвали и терзали предрассветный полумрак. Между разрывами снарядов и мин прорывалась пулеметная и автоматная стрельба. Матвеев внимательно вслушивался в эту особую мелодию войны, чтобы не

пропустить тот, только ему одному известный, миг, когда на чаши весов жизни и смерти придется положить души своих подчиненных. Она ему говорила: наступление советских войск успешно развивается.

Раскатистое «У ... ра!» все дальше отдалялось на запад. Полки генерала Щугаева одним стремительным броском преодолели нейтральную полосу и ворвались на передний край обороны противника. Советская артиллерия и авиация превратили его в сплошное месиво. Подавив редкие очаги сопротивления, штурмовые группы 47-й дивизии устремились вглубь боевых порядков 56-го танкового корпуса вермахта.

Матвеев решил: пришло его время, и дал команду на марш. Первые полтора километра были пройдены без боя, а дальше на пути Группы встали силы второго эшелона обороны противника. И здесь десантников выручило мастерство танкистов Петрова. Точным залпом они накрыли пулеметные точки противника и, сметая блок-посты, устремились к Целендорфу.

Ошеломленные их дерзостью и напором гитлеровцы не успевали выстраивать на пути Группы заслоны из грузовиков и повозок. Танкисты Петрова разметали их в стороны. Под гусеницами и колесами стремительно исчезали километры. Матвеев напрягал зрение и пытался в предрассветном полумраке отыскать ориентиры. Промелькнула и осталась позади развилка дорог. Впереди возникла серая громада элеватора.

От нее до Целендорфа оставались считанные километры. Он бросал нетерпеливые взгляды на часы и торопил время. Наконец, слева показалась кирха, за ней потянулись одноэтажные коттеджи, прятавшиеся в глубине садов.

Начались окраины Целендорфа. Опасения Матвеева, что Коратуев и Петров запутаются в лабиринте узких улочек, рассеялись. Прошло несколько минут, справа возникла высокая металлическая ограда, за ней угадывались корпуса сельхозинститута. Стрелки часов показывали 6:17 московского времени.

Ночь подошла к концу. Звезды трепетно задрожали и исчезли. Яркая вспышка разорвала утренний полумрак, и в следующее мгновение алая полоска зари прорезала небосклон на востоке. Над горизонтом мучительно медленно прорезалась багрово-грязная кромка диска солнца. День вступил в свои права. Порывистый ветер развеял утреннюю дымку, и перед глазами Матвеева отчетливо проступил главный корпус института. Ему не потребовалось давать команду на штурм. Коратуев и танкисты Петрова с марша перешли в атаку. Головной танк вышиб ворота, смял сторожевую будку с часовыми, вылетел на середину площади и грозно повел стволом. Вслед за танкистами на территорию института ворвались пехотинцы. Их появление стало шоком для гитлеровцев. Они не оказали сопротивления, сложили оружие и безропотно выполняли команды Матвеева.

В руках Группы оказались пять бронетранспортеров, де-

вать грузовых машин, в кузовах находилась часть архива и свыше 100 человек военных и гражданских под командованием подполковника Анкла. Отправив пленных в подвал под замок и спрятав архив в подвал, Матвеев вместе с Орловым и Петровым занялись организацией круговой обороны. Десантникам предстояло продержаться до подхода основных сил 47-й дивизии, но они завязли в обороне противника. Об этом Матвееву говорили слабые разрывы артиллерийских снарядов, доносившиеся с востока. Чем тут же не преминуло воспользоваться командование гарнизона Целендорфа. Гитлеровцы пришли в себя и, подтянув артиллерию, открыли шквальный огонь по позициям Группы. Обстрел продолжался около двадцати минут, а затем семь танков при поддержке пехоты пошли на штурм, но, встретив упорное сопротивление со стороны десантников, дальше внешней ограды не пробились и залегли.

Передышка длилась недолго. В течение дня гитлеровцы четырежды поднимались в атаку. Последняя и самая продолжительная была предпринята вечером. Пользуясь сумерками, под прикрытием минометного и пулеметного огня они прорвались к основному рубежу обороны десантников и вступили в рукопашную. Клубки тел извивались на земле. Противники в слепой ярости кусали, терзали, кололи тесками и ножами друг друга. Чужая и своя кровь хлестала по лицам и по рукам. Пощады не знал никто. Пришедшие на выручку пехотинцам танкисты Петрова решили исход руко-

пашной. Гитлеровцы отступили, наступило временное затишье.

Вечерние сумерки сгустились и черным покрывалом укрыли поле боя, усыпанное воронками и телами убитых. Наступила ночь. Яркая россыпь звезд проступила на чернильном небосклоне. Эта ночь могла стать последней для Матвеева и его товарищей. У танкистов закончились снаряды, из девяти танков уцелело только четыре. Еще хуже было положение в батальоне. Он потерял больше половины личного состава. Матвеев отдавал себе отчет: еще один такой штурм гитлеровцев, и Группа перестанет существовать. Но оставалась надежда на то, что полки Щугаева успеют прийти на помощь.

В ту ночь Матвеев так и не сомкнул глаз, обходил посты, подбадривал бойцов и с тяжелым сердцем ждал, возможно, последнего в своей жизни восхода солнца. Перед рассветом, сморенный свинцовой усталостью, он прикорнул в спортзале. На ноги его поднял шум боя, начавшийся у восточного корпуса института. Передернув затвор трофейного автомата и проверив патроны в магазине пистолета – их осталось всего два, – Матвеев спустился в подвал и занял позицию перед окном.

В сизой дымке за оградой серой мышиной стаей стелилась вражеская пехота. Десантники встретили ее скупым огнем, на счету был каждый патрон. Матвеев вскинул автомат, выискивал цели и не находил. Они будто растворились

в утреннем тумане. Перестрелка, так же внезапно, как началась, прекратилась. Насупила особенная, звенящая тишина. Ее нарушил грохот кирпичей, и через мгновение в дверном проеме возник Коратуев. На изможденном закопченном лице Михаила застыла счастливая улыбка. На помощь десантникам прорвался арьергард 47-й дивизии. Во двор института, подняв облако пыли, влетел танк. И когда пыль рассеялась, то алая звезда на его борту сказала десантникам, что все самое страшное осталось позади.

Матвеев опустил автомат, в изнеможении откинулся на стену и закрыл глаза. Как сквозь вату, до него доносились голоса Коратуева, Шишина и Орлова. Они тормозили его и что-то говорили. В ответ он улыбался блаженной улыбкой. В эти мгновения на перепаханном гусеницами танков и осколками снарядов клочке земли, усеянном телами врагов и своих, Матвеев чувствовал себя самым счастливым человеком. Он был счастлив тем, что остался жив, что выстоял и победил.

Как в тумане, перед ним возник Витков. Собравшись с силами, Матвеев пытался доложить о выполнении задания. Генерал махнул рукой и стиснул его в своих объятиях. Витков что-то говорил, но Матвеев не слышал. В его сознании, как в калейдоскопе, смешались машина, баня и пахнущее хлоркой нательное белье. После завтрака, засыпая на ходу, он рухнул в постель и впервые за последние недели уснул безмятежным сном.

На следующий день вместе с Коратуевым, Голубцевым и Шишиным Матвеев возвратился в отдел и с головой окунулся в фильтрационную работу среди захваченных в плен гитлеровцев и власовцев. Их количество было огромным. С раннего утра и до глубокого вечера контрразведчики занимались поиском среди военнопленных фашистских бонз, сотрудников и агентов специальных служб и карательных органов Германии, пытавшихся скрыть свою волчью личину под безликой армейской формой.

Просматривая протоколы допросов, Матвеев обратил внимание на показания перебежчиков-коллaborационистов Беспалова и Мустафаева. Они носили подробный характер и касались главарей так называемой «Русской освободительной армии» (РОА). Желая искупить вину, Беспалов и Мустафаев рвались оказать помощь контрразведчикам в поиске и задержании Власова, Малышкина и других предателей рангом пониже.

Матвеев снова и снова перечитывал их показания, и в его голове все отчетливее вырисовывался замысел будущей операции. Ключевую роль в ней он отводил Беспалову и Мустафаеву. Еще раз взвесив все за и все против, Матвеев утвердился в своем мнении, снял трубку телефона и доложил Виткову.

Генерал внимательно выслушал и охладил его пыл.

– Не пори горячки, Александр Иванович! Остынь!

– Так время же уходит, Григорий Иванович! Сбегут же,

гады! – горячился Матвеев.

– Саша, я же сказал: остынь! Дальше виселицы не убегут! День-два ничего не решают.

– Для нас – да. А для Беспалова и Мустафаева имеет значение каждый час. Он работает против них.

– Вот только не сгущай краски. Сейчас не 41-й, а 45-й год, и бардака у фрицев хватает. Беспалов и Мустафаев как-нибудь да отбрешутся. А вот с Власовым – этой гнидой – раньше времени прокукарекаешь наверх, потом сам не рад будешь. Тут, Саша, с кондачка решать нельзя, – предостерег Витков и заключил: – Сделаем так: я доложу твои соображения наверх, генералу Вадису. Как он решит, так и будет.

– Григорий Иванович, так, может, я предварительно переговорю с майором Михайловым? Он на таких делах собаку съел, – предложил Матвеев.

– А ты его хорошо знаешь?

– Вместе работали, когда готовили Отто для зафронтной работы.

Витков задумался. В трубке монотонно журчал эфир. Матвеев теребил карандаш и с нетерпением ждал ответа. Он не хотел упускать уникальный шанс захватить предателя № 1, бывшего советского генерала Власова, и торопил события. Но многоопытный Витков не спешил с решением и, взвесив его последствия, приказал:

– Значит так, Александр Иванович, никакой самостоятельности! На Михайлова пока не выходи. А то как бы раньше

времени волну не погнать. Беспалова и Мустафаева готовы к переброске за линию фронта. К работе с ними привлеки самых опытных сотрудников. Задача ясна?

– Так точно, товарищ генерал! – подтвердил Матвеев.

– Все материалы, полученные на Мустафаева и Беспалова, а также свои соображения по их оперативному использованию в отношении Власова и его своры немедленно доложи шифром лично на мое имя!

– Есть доложить шифром! – принял к исполнению Матвеев.

– Жду, не затягивай! – закончил разговор Витков.

Спустя два часа шифровка Матвеева в отношении Беспалова и Мутафаева и с замыслом операции по захвату предателя Власова поступила в отдел Смерш 8-й армии. Ее содержание развеяло последние сомнения Виткова. Он не стал медлить и по ВЧ-связи вышел с докладом на начальника управления Смерш 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Вадиса. Профессионал, прошедший все служебные ступеньки и находившийся на фронте с первого дня войны, тот с полуслова оценил важность полученной информации. Война с фашистами подходила к концу, и на первый план перед органами Смерша выходила задача по поиску и аресту военных преступников.

В тот же день по распоряжению Вадиса в отдел Смерш 47-й дивизии был направлен майор Владимир Михайлов. Один из самых опытных сотрудников управления Смерш 1-го Бе-

лорусского фронта, он занимался подготовкой и проведением активных контрразведывательных и разведывательных мероприятий. Прибыв на место, Михайлов сразу же приступил к делу: выслушал доклад Матвеева, прочел показания Беспалова и Мустафаева, потом побеседовал с ними и пришел к заключению о возможном их использовании в операции по поиску главарей РОА. Свои соображения он доложил шифровкой Вадису. Тот изучил их и дал санкцию на вербовку Мустафаева и Беспалова. Ее провели Михайлов и Матвеевым вместе и затем продолжили подготовку теперь уже зафронтовых агентов Смерша к выполнению задания.

В ночь на 21 апреля Мустафаева и Беспалова под легендой вырвавшихся из окружения советских войск вывели в тыл противника через «окно» на линии фронта. Дальнейшую работу с ними предстояло вести Михайлову. Он возвратился в управление Смерш фронта, чтобы готовить операцию по связи с агентами. Матвеев вместе с подчиненными продолжил фильтрационную работу с военнопленными и одновременно занимался систематизацией архива Главного управления имперской безопасности, захваченного в Целендорфе.

24 апреля ничем отличалось от предыдущих дней. Работа отдела Смерша по 47-й гвардейской стрелковой дивизии шла своим чередом. Время подошло к полудню, когда в кабинете Матвеева зазвонил телефон. Он отложил протокол допроса полковника Вайса, снял трубку и услышал голос дежурного по отделу:

– Товарищ майор, это капитан Волков. Разрешите доложить?

– Слушаю, слушаю тебя.

– Александр Иванович, тут такое дело...

– Ну говори! Говори!

– Одна немочка просит ей помочь.

– Помочь? А что случилось?

– Она говорит, шо наши бойцы не дают ей прохода.

– Вот же кобели! – в сердцах произнес Матвеев и приказал: – Бойцов в комендатуру, а ее отправить к родителям!

– Александр Иванович, та дело в том, шо она не местная, из Берлина.

– И что? Мы контрразведка, а не пансионат для благородных девиц. Дай ей охрану и направь в комендатуру. Пусть там разбираются.

– Извините, Александр Иванович, но она просит, шоб ее принял начальник русского абвера.

– Чего-чего? Иван, ты ничего не напутал?

– Никак нет, товарищ майор. Дамочка шпарит по-нашему не хуже нас, – оправдывался Волков.

«Русский абвер? Говорит по-русски? Любопытно! Очень даже любопытно!» – заинтересовался Матвеев и распорядился: – Ладно, проводи ее ко мне!

В коридоре раздался дробный стук каблучков. Дверь в кабинет Матвеева приоткрылась. В щель заглянул Волков и спросил:

– Александр Иванович, позвольте войти гражданке Лонге?

Матвеев махнул рукой. Волков отступил в сторону. Робко переступив через порог, в кабинет вошла девушка лет 20–22-х. Поздоровавшись на отменном русском языке, она представилась:

– Рената Лонге.

Матвеев кивнул и задержал взгляд на ней. Под тонким облегающим плащом угадывалась точеная фигурка. Ее украшала горделиво вскинутая головка с тонкими чертами лица. На нем выделялись небесной голубизны глаза. Волосы пшеничного цвета топорщились задорным хохолком.

«Хороша! Ничего не скажешь! Можно понять наших бойцов, мимо такой не пройдешь», – признал в душе Матвеев.

Отпустив дежурного, он предложил Лонге сесть. Она опустилась на краешек стула и под его строгим взглядом нервно затеребила рукав плаща.

«Волнуешься? С чего это вдруг? Русский абвер? Откуда тебе это известно? Кто ты?» – размышлял Матвеев и обратился к Лонге:

– Так кто вас обидел, Рената?

– Господин майор! Господин майор, только не надо их наказывать! Они... они... – Лонге смешалась и потупила взгляд.

– Как так не наказывать? Это недопустимо! Виновные должны понести заслуженное наказание!

– Не надо! Не надо! Они ничего плохого не сделали! – воскликнула Лонге и всплеснула руками.

– Ладно, разберемся, – не стал настаивать Матвеев и поинтересовался: – А теперь, Рената, объясните, как вы, не местная жительница, оказались в прифронтовой полосе?

– Я... я бежала, куда глаза глядят. Там невозможно оставаться! Там... – осеклась Лонге.

Она была столь искренна и непосредственна в своих чувствах, что подозрения, возникшие было у Матвеева о ее возможной связи с абвером, развеялись. Перед ним находилась одна из множества безвинных жертв войны. Его больше интересовало другое – блестящее знание русского языка Лонге. Он смягчил тон и отметил:

– Рената, вашему знанию русского языка можно позавидовать. Вы что, жили в Советском Союзе?

Лонге встрепенулась, на лице появилась робкая улыбка, и девушка призналась:

– Нет, в вашей стране я никогда не была, господин майор.

– Для вас я Александр Иванович, – ушел от официального тона Матвеев и уточнил: – Рената, а где вы научились так хорошо говорить по-русски?

– На филологическом факультете Берлинского университета. Я еще знаю французский и понимаю английский. Мне языки как-то легко даются.

– Такое не каждому дано, это талант. А откуда у вас столь чистое произношение? Ему невозможно научиться в универ-

ситете, — допытывался Матвеев.

— Этим я обязана нашим соседям. Они были русскими, из Санкт-Петербурга. Бедные, бедные, погибли во время бомбежки.

— М-да, война, к сожалению, не разбирает, кто прав, а кто виноват, — признал Матвеев и уточнил: — Так, значит, вы из Берлина?

— Нет! Нет! Я там только училась, — лицо Лонге снова изображала гримаса, и она выплеснула весь тот ужас, что испытала несколько часов назад. — Там!.. В Берлине настоящий ад! Мертвые люди повсюду. Их никто не убирает! Это невозможно...

Голос Лонге сорвался, и на ее глаза навернулись слезы. Матвеев налил из графина воды в стакан и подал ей. Всклипывая, она пила мелкими глотками. Он исподволь наблюдал за девушкой; в нем опять заговорил контрразведчик, и он пытался понять, кто находится перед ним: несчастная жертва войны или гитлеровский агент. Заострившиеся черты лица, запавшие щеки, ссадина на правой руке, пятнышко сажи на лбу и прорехи на плаще убедительно свидетельствовали о том, что Лонге действительно каким-то чудом сумела вырваться из ада, в который погрузился Берлин. Еще недавно она находилась между жизнью и смертью. Подозрительность, проснувшаяся в Матвееве, уступила место простым человеческим чувствам. Он видел перед собой юную девушку, бежавшую от ужасов войны, снял трубку телефона; ответил де-

журный по отделу, и Матвеев распорядился:

– Иван, срочно найди бинты, йод или зеленку!

– Вы сказали – бинты, Александр Иванович? А что случилось? – уточнил Волков.

– Ничего! Делай, что тебе говорят! – потребовал Матвеев.

– Понял! Есть!

– А-а, и еще, Иван, поищи мыло, мыло надо женское.

– Извините, Александр Иванович, вы сказали – женское?

– Ну не наше же хозяйственное! От него даже у мужика шкура слезет!

– Так у Головки такого нет.

– Иван, ты служишь в контрразведке или где?! – начал терять терпение Матвеев.

– Все понял, Александр Иванович, найду!

– Другое дело! А сейчас ко мне в кабинет кофе и бутерброды. И еще, ты не забыл, как за дамами надо ухаживать?

– Э-э, ну...

– Постарайся.

– Понял! Есть! – принял к исполнению Волков.

Матвеев положил трубку на аппарат, обратился к Лонге и предложил:

– Рената, пройдите к дежурному по отделу, капитану Волкову. Вам окажут медицинскую и другую необходимую помощь.

Девушка ответила благодарным взглядом и покинула кабинет. Матвеев остался один, и в нем снова заговорил контр-

разведчик.

«...Интересно, как это ты вырвалась из Берлина? Каким образом перешла линию фронта? И этот твой русский абвер! Что за всем этим стоит?»

Вместе с вопросами ожили и прежние подозрения.

«...А если ты подстава абвера? Перед такой красавицей редкий мужик устоит. Вот бойцы и поймались на твой крючок, а дальше ты разыграла сцену. Русский абвер – это уже приманка для меня. Ничего не скажешь, с умом разработана легенда...»

Стук в дверь прервал размышления Матвеева.

– Войдите! – разрешил он.

Это был помощник дежурного по отделу. Он внес поднос с кофейником и бутерброды с ветчиной. Вслед за ним в кабинет возвратилась Лонге. За несколько минут она преобразилась. Роскошные волосы пышной волной ниспадали на плечи. Щеки окрасил нежный румянец, а в глазах появилась живинка. О прежней Ренате напоминала белоснежная повязка на правой руке.

«Женщина есть женщина!», – отметил про себя Матвеев, разлил кофе по чашкам, кивнул на тарелку с бутербродами и предложил:

– Угощайтесь, Рената.

Она деликатно откусила маленький кусочек и запила кофе. Но голод дал о себе знать, и, съев бутерброд, девушка потянулась ко второму. Матвеев наблюдал за ней и возвра-

щался к мысли о возможной связи Лонге с германской разведкой.

«...Если ты подстава на вербовку, то кто за тобой стоит? Главное управление имперской безопасности? Тайная полевая полиция? Гестапо? Вряд ли. Слишком тонкая комбинация. В лучшие времена они этим не занимались, а сейчас и давно...»

Поведение Лонге и обстановка на фронте оставляли все меньше места для подозрений.

«...Нет, ты, Рената, не гитлеровский агент! Не агент, но есть все, чтобы стать им. Умна! Хороша собой! В сложной обстановке не теряешься. Это же надо, сумела выбраться из Берлина и перейти линию фронта?! Такое не всякому мужику под силу. Готовая разведчица!» – пришел к этой мысли Матвеев.

Теперь его занимало другое: насколько Рената способна выполнить разведзадание – проникнуть в спецслужбу союзников, пригревших под своим крылом немало фашистских недобитков. В поисках ответа на вопрос он принялся прощупывать Лонге наводящими вопросами. Она, утолив голод, разговорилась. Советский майор-контрразведчик – высокий, статный, со строгими, правильными чертами лица и умными глазами, в которых читалось сочувствие, располагал к себе. Мирная обстановка заставила Лонге на время забыть об ужасах войны. Разговор приобретал все более непринужденный характер. Матвеев внимательно слушал, а его цеп-

кий, гибкий ум контрразведчика выделял в рассказе Лонге то, что могло подвигнуть ее к сотрудничеству со Смершем.

«...Выросла в семье, не отличающейся большой набожностью и фанатизмом. Отец – инженер-электрик, никогда не носил военный мундир и не принимал участия в сборищах нацистов. Всю сознательную жизнь проработал на заводе. Мать – швея, абсолютно аполитичный человек. Сама ты во время учебы в институте не состояла в молодежных нацистских организациях. Свободно владеешь тремя языками: немецким, русским и французским. Готовый переводчик. Наши горе-союзники не пройдут мимо тебя. Однозначно возьмут на работу, – размышлял Матвеев...

Для тебя даже не требуется отрабатывать легенду прикрытия. Все складывается естественным образом. Ты вырвалась из Берлина и возвращаешься домой, к родителям. Они проживают в южной Баварии – настоящее змеиное гнездо, куда бежит вся нечисть. Там хозяйничают американцы и французы. Они пригрели у себя фашистских недобитков и антисоветскую сволочь...

Тоже мне союзники! Мы проливаем кровь, а они торгуются с подонками! Выходит, вы ничем ни лучше этой фашистской мрази!»

Основания для такого вывода у Матвеева имелись, и весьма веские. В его памяти до точки, до запятой отложились последние шифровки. В них Главное управление контрразведки Смерш ориентировало подчиненные органы о враж-

дебной деятельности французских спецслужб.

«...Из показаний репатриированных бывших военнослужащих Красной армии Павлова А. И. и Беляева И. М. было установлено, что некое «Бюро партизанских отрядов Франции» (г. Марсель) снабжает служивших в РОА и немецкой армии изменников Родине аттестатами, удостоверениями, что они состояли в партизанских отрядах и боролись против немецких захватчиков.

Одновременно ведут обработку советских граждан с целью склонения их к невозвращению на Родину.

Наряду с этим их активно вербуют для проведения шпионской деятельности против советских войск в Германии...»

В другой ориентировке сообщалось:

«...По данным нашего резидента в Париже, удалось установить, что только в одном Париже имеется 22 вербовочных пункта. В них осуществляется вербовка репатриантов. Особенно активная роль отмечается со стороны эмигрантского бюро Маклакова, швейцарского и шведского консульств и многочисленных французских и англо-американских разведпунктов...»

Враждебная деятельность спецслужб союзников, направленная против Советской армии и Советского Союза, подтверждалась в ходе фильтрационной работы, непосредственно проводимой управлением Смерш 1-го Белорусского фронта в среде репатриантов, возвращающихся в СССР из районов, освобожденных от нацистов армиями США, Ве-

ликобритании и Франции. За последние несколько месяцев среди них контрразведчики, в том числе и подчиненные Матвеева, выявили десятки агентов, завербованных разведками Франции, США и Великобритании.

В этих условиях Лонге являлась редким подарком судьбы, и Матвеев решил воспользоваться им сполна. Подлив кофе в чашки, он продолжил прощупывать ее наводящими вопросами:

– Рената, а почему вы обратились в русский абвер? Кстати, почему абвер?

Девушка лукаво улыбнулась и ответила:

– Но я же не ошиблась, Александр Иванович? У вас я нашла защиту, не так ли?

– Все так. Но, извините, вы не ответили на мой вопрос.

– Почему русский абвер? Так назвал русский капитан, который привел меня к вам.

– Значит, наш абвер. А с настоящим абвером вам приходилось сталкиваться?

Вопрос-крючок не вызвал напряжения на лице Лонге и изменений в интонации голоса. Она не отвела взгляда в сторону и призналась:

– Да, я слышала о нем, но никого из сотрудников не знала. Матвеев сменил тему и поинтересовался:

– А что вы намереваетесь делать дальше?

Лонге развела руками и, пряча глаза, призналась:

– Извините, но мне негде и не на что жить. Кроме вас,

Александр Иванович, я никого не знаю.

Бесхитростный ответ Ренаты создавал хорошую основу для развития с ней оперативного контакта. В том, что он мог стать перспективным, у Матвеева оставалось все меньше сомнений. С такими яркими внешними данными и знанием языков Лонге была обречена попасть в поле зрения иностранных спецслужб. Будь то американская, британская или французская, большого значения это уже не имело, все они дули в одну – антисоветскую – дуду. Удача в лице Лонге сама плыла в руки Матвеева. Он не собирался упускать ее, задержал взгляд на забинтованной руке Лонге и посетовал:

– М-да, быстро же мои подчиненные забыли, как правильно накладывать перевязку.

– Ну что вы, Александр Иванович, она вовсе меня не беспокоит. Я чувствую себя хорошо, – заверила Лонге.

– Кто вас перевязывал?

– Ваш капитан.

– Который? – уточнил Матвеев.

– Ну такой, светленький.

– А-а, Маринин. Лучше бы черненький – старший лейтенант Лазарев, кстати, он холостой.

Рената улыбнулась и, стрельнув лукавым взглядом в Матвеева, обронила:

– У вас, Александр Иванович, есть и более симпатичные, чем он.

Он сделал вид, что не заметил, и поинтересовался:

– Ранка, как, не беспокоит?

– Нет-нет. Я не чувствую боли.

– И все-таки вам надо проехать в наш госпиталь. Пусть вас осмотрят специалисты, – настаивал Матвеев.

– Спасибо, Александр Иванович, но не стоит беспокоиться.

– Придется побеспокоиться, и не только о вашем здоровье. Я так понял, здесь у вас нет ни родных, ни знакомых?

– Да.

– Рената, а как вы посмотрите на то, чтобы временно поработать медсестрой в нашем медсанбате?

– Я-я?! – растерялась Лонге.

– Да, вы. Освойте новую специальность, а там и война закончится.

– Я... я, право, не знаю... Нам говорили, придут русские и... – голос Ренаты дрогнул.

– Больше не будут говорить! Мы люди, а не звери! – отрезал Матвеев, снял трубку телефона и приказал: – Иван, срочно пришли ко мне Лазарева!

– Есть! – принял к исполнению Волков.

Не успела Рената прийти в себя от столь неожиданно-го предложения, как в кабинет вошел старший лейтенант и спросил:

– Вы меня вызывали, Александр Иванович?

– Да, Володя. Твоя задача с этой девушкой, ее звать Рената, проехать в медсанбат. Пусть медики осмотрят ее рану и

поменяют повязку.

– Есть! – принял к исполнению Лазарев.

– Это еще не все. Поставь Ренату на все виды довольствия.

И еще, найди Коратуева, пусть зайдет ко мне. Вопросы есть?

– Никак нет, Александр Иванович.

– Действуй! – распорядился Матвеев.

Прошло несколько минут, и нему прибыл капитан Коратуев.

– Проходи, присаживайся, Миша! – пригласил к столу Матвеев и уточнил: – Чем сейчас занимаешься?

– Перелопачиваю архив из Целендорфа.

– Отложи, есть срочное поручение. Ты видел девушку в отделе?

– Ага.

– Это Рената Лонге.

– Немка, что ли?

– Неважно. Твоя задача договориться с начальником медсанбата, чтобы он взял Лонге медсестрой. Это первое. Второе – обставь ее так, чтобы мимо наших ушей не пролетело ни одно слово, а мимо глаз не прошел ни один контакт. Ясно?

– Так точно, Александр Иванович, обеспечим.

– И еще, подсели Лонге к лучшему нашему агенту. Она должна быть душевным человеком. Найдешь?

– Да, Ромашка.

– Сколько ей лет?

– Почти ровесница Лонге.

– Не пойдет. Агент должен быть по возрасту как ее мать. В этом случае мы можем рассчитывать на откровенность Лонге.

– Трудно, но я постараюсь, Александр Иванович, – заверил Коратуев.

– Старайся, Миша. По результатам доложить! – потребовал Матвеев.

Оставшись один, он сел за составление шифровки на имя генерала Виткова. В ней изложил результаты беседы с Лонге, подробно остановился на ее оперативных возможностях и в заключение предложил осуществить вербовку в качестве агента Смерша с последующим внедрением в иностранную спецслужбу.

Витков на шифровку среагировал оперативно. Через два дня из управления Смерш 1-го Белорусского фронта в отдел к Матвееву прибыл майор Владимир Михайлов. Проанализировав все имеющиеся на Лонге материалы, он согласился с замыслом операции. Но, прежде чем выходить на ее вербовку, предложил провести дополнительную проверку. Разработанный им план не отличался особой оригинальностью, но позволял получить ясный ответ о надежности будущего агента. В его замысел, помимо Матвеева, был посвящен сотрудник аппарата управления Смерш фронта капитан Климов. По соображениям конспирации в отделе он не появился.

24 апреля план проверки Лонге был введен в действие.

Она, ничего не подозревая, продолжала старательно осваивать специальность медсестры. После завершения утреннего обхода палат врачом отделения она вместе с другими медсестрами занялась процедурами.

Перед обедом в приемное отделение доставили партию раненых. Среди них был пленный немецкий капитан. После тяжелой контузии он с трудом держался на ногах и плохо говорил. Сопровождал его старший лейтенант Лазарев. При обыске он обнаружил у капитана выполненный от руки план-схему незнакомой местности с загадочными пометками. Немец оказался убежденным нацистом и отказался отвечать на вопросы. Лазарев распорядился выставить охрану у дверей палаты, поручил Лонге наблюдать за капитаном и поспешил с докладом в отдел.

Матвеев, выслушав его, предложил взять паузу и продумать новую тактику допроса. Сделать этого Лазарев не успел. Спустя час в отдел позвонил начальник медсанбата и сообщил, что медсестра Лонге просит о срочной встрече с сотрудником Смерша. О цели она категорически отказалась говорить. Матвеев распорядился, чтобы Лазарев немедленно выехал на место и, не привлекая внимания, доставил Лонге в отдел.

Не прошло и двадцати минут после его отъезда, как из коридора донеслись торопливые шаги. Дверь кабинета Матвеева распахнулась. На пороге возник взъерошенный Лазарев. За ним стояла Лонге. От волнения у нее подрагивали губы,

а глаза, казалось, стали еще больше.

– Оставь нас одних, Володя! – распорядился Матвеев и потребовал: – Передай дежурному: ко мне в кабинет кофе, только не эрзац, и к нему что-нибудь вкусное!

Дверь за Лазаревым захлопнулась. Матвеев шагнул к Лонге и подал руку. Ее изящные пальчики коснулись его ладони и затрепетали. Волнение, нежным румянцем окрасившее щеки, и тревога, плескавшаяся в больших голубых глазах, придавали девушке еще большее очарование.

«Настоящая принцесса из сказки!» – признал в душе Матвеев и пригласил:

– Присаживайтесь, Рената!

Девушка не замечала стула, осталась стоять, извлекла из рукава блузки бумажный комочек и срывающимся голосом произнесла:

– Э-этот капитан. Он грозил убить меня, если я не передам записку! Он...

– Успокойтесь, Рената! Здесь вам ничто не угрожает. Вы садитесь, садитесь! – Матвеев пододвинул к ней стул.

Лонге присела. Он налил из графина воду в стакан и подал ей. Сделав несколько глотков, она взяла себя в руки и сообщила:

– Я думаю, это важно, Александр Иванович! Капитан знает какую-то большую тайну!

– Какой капитан? – уточнил Матвеев.

– Немец. Его сегодня привезли в медсанбат.

– Понятно. И что это за тайна? Почему вы так решили?

– Он обещал заплатить 500 марок, если я передам схему и записку одному человеку.

– Какую схему? Какую записку? Где они? – торопил Матвеев.

– Вот, смотрите! – Рената развернула бумажный комочек. На клочке бумаги нетвердой рукой была нарисована схема, и имелось короткое пояснение.

– Интересно! Очень интересно! – отметил Матвеев и достал из ящика стола такую же схему.

Ту, которую обнаружил Лазарев при обыске капитана. Она в деталях совпадала с той, что предоставила Лонге. Матвеев, продолжая играть роль, сличил их, поднял голову, согрел девушку теплым благодарным взглядом и похвалил:

– Какая же вы молодец, Рената!

Лонге зарделась и спросила:

– Я все правильно сделала, Александр Иванович?

– Рената, вы просто умница!

– Я поняла, что эта записка очень важна вам, Александр Иванович! Что мне делать дальше? Что?! – торопила Лонге.

– Ничего!

– Как ничего?! А записка? А схема? Я же должна передать их?! Этот капитан... Он страшный человек!

– Я же сказал: вам нечего бояться, Рената. Мы вас защитим. Записку и схему передаст по назначению наш человек.

– Русский?! Но это же... – глаза Лонге округлились.

Матвеев улыбнулся и заверил:

– Будет такой русский, что не отличишь от немца.

– Понятно, понятно. А если капитан потребует еще что-то выполнить? Как мне быть?

– Не потребует. Сегодня же его переведут в армейский госпиталь. Так что вам нечего опасаться.

– Спасибо. Я могу идти? – спросила Рената и поднялась из-за стола.

– Погодите! Погодите! – остановил ее Матвеев и пояснил: – В интересах вашей безопасности придется на время задержаться. Если не возражаете, могу предложить кофе.

– Кофе, с вами?

– А вы против?

Рената присела, и в ее голосе зазвучали кокетливые нотки:

– И что, только кофе?

– Не только, будет и шоколад, – в тон ей ответил Матвеев и потянулся к трубке телефона.

Напоминать о своем распоряжении дежурному по отделу ему не понадобилось. Раздался стук в дверь, и на пороге кабинета появился помощник дежурного. В руках у него был поднос. На нем над чашками с настоящим кофе вился ароматный парок, а на тарелке румяными бочками аппетитно лоснились пончики. Матвеев пригласил Ренату к журнальному столику. В тот день они выпили не одну чашку кофе и съели не один пончик. В непринужденной беседе, в которой воспоминания Ренаты о прошлом переплетались с на-

стоящим, незаметно летело время.

Конец беседе положил Лазарев. Он доложил об отправке пленного немецкого капитана в армейский госпиталь. Матвеев распорядился вызвать машину и, расставаясь с Ренатой, вручил ей плитку советского шоколада. Оставшись один, он возвратился к состоявшемуся разговору, анализировал каждое ее слово, жест и утверждался в том, что она способна выполнить задание Смерша – внедриться в иностранную спецслужбу и добыть ценную информацию. Подтверждение тому Матвеев находил в отчете Климова, безупречно сыгравшего роль пленного немецкого капитана, и агента Верной, проживавшей с Ренатой в одной комнате.

29 апреля 1945 года в спецсообщении на имя начальника управления контрразведки Смерш 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Вадиса Матвеев доложил о завершении проверки Ренаты Лонге, ее вербовке в качестве агента под псевдонимом *Hoffnung* (*Надежда*) и готовности для участия в будущей разведывательной операции. Окончательное решение оставалось за Вадисом.

Лицом к лицу

«Лично

*Совершенно секретно Начальнику УКР НКО Смерш
1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту
тов. А. Вадису*

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

29 апреля с.г. после проведения оперативной проверки и специального мероприятия «К» мною осуществлена вербовка в качестве агента органов Смерш под псевдонимом «Hoffnung» («Надежда») гражданки Германии Лонге Ренаты Альфредовны 1923 года рождения, немки, уроженки гор. Тюбингена, земля Бавария, незамужней, с незаконченным высшим образованием, студентки 5-го курса филологического факультета Берлинского университета. В совершенстве владеет немецким, русским и французским языками.

Вербовка Лонге осуществлена на основе материальной зависимости. В последующем ее планируется перевести на идейно-патриотическую.

В качестве первого задания «Hoffnung» («Надежде») будет поручено выехать по месту жительства родителей в гор. Тюбинген, где, используя знания иностранных языков, а также внешние данные, устроиться на работу в оккупационные органы Франции или США.

В ходе дальнейшего сотрудничества с «Hoffnung» («Надеждой») предусмотрено ее продвижение в поле зрения иностранных спецслужб с целью выявления кадровых сотрудников немецко-фашистских разведывательных и контрразведывательных органов, а также главарей антисоветских организаций, скрывающихся от возмездия и пользующихся покровительством должностных лиц вышеуказанных стран.

В процессе проверки Лонге компрометирующих материалов на нее не получено. Твердых политических убеждений не имеет. К нацизму и фашистским вождям относится резко негативно. Освободительную миссию Советской Армии приветствует.

Прошу Вас утвердить вербовку Лонге под псевдонимом «Hoffnung» («Надежда») и санкционировать дальнейшую работу с ней.

Начальник ОКР НКО Смерш 47

гв. сд. майор Матвеев

29 апреля 1945 года»

Через сутки этот документ лег на стол генерала Вадиса. С того дня начался отсчет в одной из самых важных операций Смерша послевоенного времени. Она будет полна самых невероятных, рискованных и драматичных поворотов в судьбах главных ее героев: Александра Матвеева, Владимира Михайлова, Ивана Устинова и, конечно же, Ренаты Лонге.

В те победные апрельские дни 1945 года, когда фашизм доживал свои последние часы, они вряд ли думали об этом. Радость от окончания войны и наступающей мирной жизни кружила им головы. Вместе с ними миллионы советских, американских, английских и французских солдат, испивших до дна горькую чашу всемирной бойни, наивно верили, что вскоре наступит эра всеобщего милосердия. К сожалению, их надежды оказались наивной мечтой.

В то время когда 756-й полк под командованием полковника Зинченко штурмовал последний оплот и символ ненавистного фашизма – рейхстаг, в тиши правительственных лондонских и вашингтонских кабинетов циничные политики кроили на новый лад карту будущего мироустройства. Выполняя их заказ, спецслужбы США, Великобритании и Франции собирали под свои черные знамена скрывшееся от справедливого возмездия отребье: матерых нацистов, коллаборационистов и националистов всевозможных мастей, повязанных кровью своих граждан.

Первыми ветры грядущей холодной войны ощутили сотрудники советских спецслужб и потому готовились к предстоящей тайной схватке. Смелый замысел участия агента Надежды в операции по проникновению в разведорганы Франции и США, предложенный Матвеевым, поддержали в руководстве Смерш 1-го Белорусского фронта. Изучив материалы на Надежду, начальник управления генерал-лейтенант Александр Вадис распорядился вызвать Матвеева на доклад.

Ранним утром 3 мая Матвеев, вооружившись автоматом и гранатами, покинул кабинет; к нему присоединились два автоматчика из отделения охраны отдела. Он вышел на крыльцо и замер. Гулкая тишина ошеломила его. Впервые за 1413 дней и ночей Великой Отечественной войны не было слышно грозного гула авиационных моторов, гнущего к земле рева «катюш», барабанной трескотни пулеметов и автоматов, в воздухе отсутствовал едкий запах пороха и гари. Безжалостные жернова Молоха войны, перемоловшие десятки миллионов человеческих жизней, остановились.

Багровое зарево, полыхавшее над Берлином, погасло. 2 мая его гарнизон и командующий генерал Вейдлинг капитулировали перед советскими войсками. После неудачной попытки прорыва из окружения сложили оружие и сдались в плен фанатики из **«боевой группы Монке»**, державшие оборону рейхсканцелярии. Вечером столица Германии содрогнулась от канонады, но она не несла смерть. Победители – командиры и бойцы 1-го Белорусского фронта – салютовали из всех видов оружия. Это были самые счастливые мгновения в их жизни. Пройдя через немыслимые испытания и страдания, они выстояли и победили самого жестокого врага – фашистскую Германию и ее сателлитов.

Матвеев вдохнул в полную грудь воздух победы, воздух мирной жизни, закрыл глаза. В нем все затрепетало, а голова пошла кругом. Ее кружили запах весны и необыкновенного счастья.

«Неужели конец всем страданиям и мучениям??? Неужели конец войне?!.. Конец!..» – он все еще не мог поверить и не решался открыть глаза.

Звонкая трель птиц и скрип тормозов подъехавшей легковушки ГАЗ М-1 заставили его встрепенуться. Он открыл глаза и обернулся к автоматчикам. Ими владели те же чувства, об этом говорили их просветлевшие лица. Радость переполняла Матвеева. Он не мог сдержать себя и воскликнул:

– Братцы, все, конец! Конец войне!

– Конец! Конец! – срывающимися голосами повторяли автоматчики.

По их щекам и щекам Матвеева катились слезы. Они не замечали их и тискали друг друга в объятиях.

– Все, ребята, хватит! Задушите, не доживу до победы! Ну все! Все! – добродушно повторял Матвеев и, вырвавшись из объятий, распорядился: – В машину! Оружие снять с предохранителя и держать наготове!

– Есть! – приняли к исполнению автоматчики и заняли места в машине.

Матвеев сел на переднее сиденье и обратился к водителю:

– Коля, если со мной что случится, портфель с документами не должен попасть в руки врага!

– Та все будет нормально, Александр Иванович! Долетим как на крыльях! – заверил Николай и утопил педаль газа до пола.

Опасения Матвеева оказались излишними. За всю дорогу

над их головой не появилось ни одного вражеского самолета, а из перелесков не прозвучало ни одного выстрела. Николай блеснул мастерством, ловко уходил от воронок, и через полтора часа они были в распоряжении управления Смерш 1-го Белорусского фронта. Поручив машину и автоматчиков коменданту, Матвеев поднялся на второй этаж, доложил дежурному о прибытии и, сгорая от нетерпения узнать решение Вадиса по замыслу операции, поспешил в кабинет к майору Михайлову. Тот был один и занимался тем, что перебирал гору папок.

– Хо, Александр Иванович, легок на помине! – добродушно пробасил Михайлов.

– Здравствуй, Володя! – приветствовал Матвеев и поинтересовался: – Как служба?

– Не мед. Звезд с неба не хватаю, сейчас они катятся на погоны тем, кто там, – с сарказмом произнес Михайлов и ткнул пальцем в потолок.

Матвеев хмыкнул и заметил:

– Ладно, не прибежняйся, ты же не в подвале сидишь.

– А-а, надоело в кабинете штаны протирать и пыль с бумаг сдувать.

– Ну ты это брось, Володя. Кому-кому, а тебе грех жаловаться, сидишь на активных мероприятиях.

– Вот именно, сижу. Надоело, хочется в поле повоевать.

– Какие твои годы, еще навоюешься. Лучше скажи, как оценили мои предложения по Надежде, только не томи, –

торопил с ответом Матвеев.

Михайлов улыбнулся и спросил:

– Что, на мое место метишь?

– Не говори глупостей, мне и на своем месте хорошо. Так что скажешь?

– Предложения интересные. Замысел операции толковый. Ввод в поле зрения спецслужбы оригинальный. Если все сложится и французы клонут, то можешь вертеть дырку на кителе под орден.

– Да ладно, – отмахнулся Матвеев и уточнил: – А какое мнение на этот счет у Александра Анатольевича?

– Резолюция положительная. Деталей не знаю, услышишь на докладе.

– Ясно. С резолюцией можно ознакомиться?

– К сожалению, нет. Все материалы по Надежде у моего сменщика, а он ушел в штаб фронта.

– Сменщика?!.. А ты куда собрался?! – опешил Матвеев.

Михайлов плотно прикрыл дверь и, понизив голос, сообщил:

– Ухожу на нелегальное положение в Баварию. Как говорится, на новый фронт.

– Так война, можно сказать, закончилась?

– Да, для армии она закончилась, а у нас только начинается, но другая война! Вот возьми, почитай! – Михайлов открыл сейф, достал синюю папку с документами, швырнул на стол и в сердцах сказал: – Союзники хреновы! Если вчера

исподтишка гадили, то сегодня уже нороят нож в спину воткнуть!

Матвеев присел за стол и обратился к ориентировкам, поступившим из Главного управления контрразведки Смерш. В них приводились факты не просто недружественных шагов спецслужб союзников по антигитлеровской коалиции, а откровенно враждебных действий с использованием бывших сотрудников абвера, Главного управления имперской безопасности Германии и их агентов. Взгляд Матвеева скользнул по строчкам, и его глаза округлились.

Москва ориентировала управления Смерш на местах.

«...В ходе проведения оперативно-войсковой операции частями НКВД в западной части Литвы было уничтожено 122 участника бандитско-террористического подполья. В плен захвачено 15 человек. Среди них выявлено 2 агента английской разведки. В схронах обнаружено 4 английские портативные, коротковолновые радиостанции, 2 радиомаяка, а также более двух миллионов рублей...»

В другой ориентировке сообщалось, что в западных областях Украины за 1944-й и первые месяцы 1945 года войсками НКВД:

«...Проведено более 6,5 тысячи оперативно-войсковых операций. В ходе них убито свыше 30 тысяч участников ОУН – УПА, около 45 тысяч захвачено в плен, 3,5 тысячи явились с повинной...

С марта 1945 г. отмечается воздушная заброска авиа-

цией США и Великобританией, а также наземным путем с территории Польши агентов, оружия и боеприпасов бандитско-повстанческому подполью, действующему на территориях Львовской, Тарнопольской и Ровенской областей...»

Читая следующую ориентировку, Матвеев не мог поверить своим глазам.

«...По перепроверенным оперативным данным, командование союзнических войск не предпринимает мер по расформированию частей вермахта и разоружению военнослужащих, сдавшихся в плен.

С начала апреля с.г. на территориях земли Шлезвиг-Гольштейн и в Южной Дании размещено с сохранением штатных и организационных структур 13–15 немецких дивизий. Они находятся в специальных лагерях под началом прежних командиров. С участием офицеров-инструкторов армий США, Великобритании, Франции с ними регулярно проводится учебно-боевая подготовка.

Вооружение этих немецких дивизий не уничтожено и не вывезено, а хранится в исправном состоянии на складах на территории лагерей...»

– Они, что, воевать с нами собрались?! Но это же... – у Матвеева не нашлось слов.

– Вот такие союзники, мать их... – выругался Михайлов.

– Володя, но это же ни в какие ворота не лезет! – к Матвееву вернулся дар речи.

– Да какие на хрен ворота, Саша! Вот, почитай, только никому не говори! – предупредил Михайлов, достал из сейфа еще один документ и положил на стол.

Гриф особой важности и подпись руководителя Смерша Виктора Абакумова говорили сами за себя. Матвеев впился глазами в текст.

«...По данным резидентуры НКГБ СССР, в Лондоне в начале апреля 1945 с.г. в резиденции премьер-министра Великобритании состоялось строго конфиденциальное совещание с участием членов Объединенного штаба планирования военного кабинета. На нем премьер-министр У. Черчилль поручил разработать план операции по нанесению внезапного удара по СССР. Операция получила кодовое название «Unthinkable» («Немыслимое»). Ее замыслом предусмотрено...»

Матвеев вчитывался в ориентировку, а в голове не укладывалось, как такое возможно. То, что замыслили в Лондоне, было верхом цинизма и низости. Скрип двери заставил его встrepенуться. В кабинет вошел сухощавый капитан. Твердый подбородок, спокойный и уверенный взгляд серых глаз, упрямый ежик волос говорили о волевом характере, а высокий лоб – о недюжинном уме. Орден Отечественной войны I степени, Красной Звезды и Красного Знамени свидетельствовали: капитан нюхал порох не на стрельбище, а на передовой. Выправка выдавала в нем кадрового военного.

– О, Иван Лаврентьевич, легок на помине! – воскликнул

Михайлов и объявил: – Знакомься, Александр Иванович, это и есть мой сменщик!

– Начальник отдела Смерш 3-го отдельного учебного танкового полка Устинов. Откомандирован для исполнения обязанностей начальника 3-го отделения, – доложил капитан.

– Начальник отдела Смерш по 47-й гвардейской стрелковой дивизии, – представился Матвеев.

– Теперь все вопросы по Надежде к капитану Устинову, Александр Иванович, – сообщил Михайлов.

Матвеев сложил ориентировки в папку и обратился к Устинову:

– Иван Лаврентьевич, как вы оцениваете материалы и мои предложения по Надежде?

– На мой взгляд, они заслуживают серьезного оперативного внимания, – Устинов ограничился общей фразой.

– А можно более конкретно?

– Да. Сомнений нет, агент перспективен. Замысел операции хорошо продуман. А вот по организации связи есть вопросы.

– М-да, согласен, – признал Матвеев и пояснил: – Это вызвано тем, что я плохо представляю обстановку в районе будущих действий Надежды.

– Понятно. Поэтому, если доработать эту позицию, то можно рассчитывать на хороший результат, – заключил Устинов.

В его голосе, как показалось Матвееву, угадывался характерный уральский говорок. Ему вспомнилась командировка на знаменитую «Магнитку», и он поинтересовался:

– Иван Лаврентьевич, вы случайно родом не с Урала?

– Да, из Асбеста. Есть такой поселок в Свердловской области, – подтвердил Устинов и спросил: – А вы откуда будете, Александр Иванович?

– Из Ленинградской области. Родился и учился там. Незадолго до войны перевели на Украину, работал в Запорожье, в горкоме комсомола. Оттуда ушел на фронт. Первый бой принял 30 июля под Кривым Рогом.

– А я всю жизнь прожил на Урале. В сорок первом закончил Камышловское военное пехотное училище. Войну встретил 22 июня под Осиповичами.

– Ну что, товарищи контрразведчики и разведчики, будем считать, что познакомились, – вмешался в разговор Михайлов и с глубокомысленным видом изрек: – А теперь ответьте мне, разведка – это искусство или ремесло?

Матвеев переглянулся с Устиновым и сказал:

– Все зависит от человека. Для ремесленника – это ремесло.

– А для того, кто творчески мыслит, она – искусство! В этом нет сомнений! – был категоричен Устинов.

– Правильно мыслите...

Требовательный звонок телефона не дал договорить Михайлову. Он снял трубку – на связи находился дежурный по

управлению – и ответил:

– Да, здесь!.. Оба... Когда?.. Прямо сейчас?.. Со всеми материалами? Есть!

Устинов и Матвеев догадались, что их вызывает начальник управления. Михайлов положил трубку на аппарат и поторопил:

– Ребята, ноги в руки и со всем, что есть на Надежду, к генералу!

Устинов открыл сейф и принялся отбирать документы на доклад. Воспользовавшись паузой, Матвеев ознакомился с резолюцией Вадиса на материалах на Надежду. Она в целом была положительной. Вопрос был только один, и он касался организации с ней связи на территории, оккупированной союзниками. Это была ахиллесова пята в будущей операции, и здесь Матвеев рассчитывал на опыт разведывательной работы Вадиса и сотрудников его аппарата.

Сложив материалы на Надежду в папку, Устинов присоединился к Матвееву с Михайловым, и они отправились на доклад к генералу. Он был один и разговаривал по телефону правительственной связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.